

СТРАНИЦЫ
ВОСПОМИНАНИЙ

10 января 1983 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Алексея Николаевича Толстого. Начиная публикацию материалов к этой памятной дате, «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей воспоминания известного азербайджанского писателя Сулеймана Велиева.

ОСЕНЬЮ 1939 года я участвовал в освобождении Западной Украины. Наш полк остановился во Львове.

За всю свою историю Львов, этот город-красавец, наверное, впервые переживал такие счастливые, торжественные дни. На улицах и бульварах многолюдно, шумно. Среди беженцев из панской Польши — писатели, журналисты, работники искусств — все, кто опасался попасть в лапы немецких фашистов. Львов превратился в пристанище для прогрессивных общественных деятелей, антифашистов.

Постепенно все вошло в свое русло. Стали нормально работать предприятия и учреждения, театры и клубы, регулярно выходили газеты и журналы. На украинском языке издавалась газета «Вільна Україна» (кстати сказать, в начале 1940 года в этой газете была напечатана и моя статья «Шевченко и Кавказ»).

Я посещал клуб писателей на улице Костюшко. Там можно было узнать много нового, встретиться с интересными людьми. Здесь познакомился с Вандой Василевской.

Весной следующего года Ванда Львовна сообщила мне, что во Львов должен приехать Алексей Толстой и в клубе писателей на улице Костюшко состоится его встреча с местными литераторами.

И верно, через несколько дней А. Н. Толстой приехал, и встреча была объявлена. Конечно же, я пошел на нее. В клубе, как говорится, яблоку негде было упасть. Руководитель Союза писателей Западной Украины Десняк представил Алексея Толстого и сразу же дал ему слово для выступления.

«Дорогие мои товарищи по перу» — так обратился А. Толстой к залу. Напомнил, что приезжает во Львов второй раз. Его обрадовало, что город, выглядевший прежде «мрачным и печальным», ныне приобрел совсем другой вид.

«Небо над Львовом очистилось, исчезли черные тучи. Город ваш стал свободно дышать, город ваш улыбается», — сказал Алексей Николаевич. — Это — праздник всего советского народа и ваш праздник, работники творческого труда...

Он вышел из-за трибуны, остановился посредине сцены, оглядел зал:

— Я уже не вижу унылых лиц, не встретил пессимистически настроенных поэтов, горько сетующих на жизнь. Это меня радует. Дорогие мои друзья, наступают долгожданные дни свободного творчества. Поздравляю вас...

Разумеется, это лишь небольшая часть выступления Алексея Толстого, и я не могу ручаться, что воспроизвел ее со стенографической точностью, но, во всяком случае, тогда я испытал весь блонот, стараясь не упустить ни одного слова Алексея Николаевича.

Когда он закончил речь, клуб огласился аплодисментами, посыпались вопросы. Многие интересовались сугубо личными, даже интимными сторонами жизни писателя, что мне показалось странным.

Мне очень хотелось поговорить с Толстым, однако его окружили



ВСТРЕЧА С АЛЕКСЕЕМ ТОЛСТЫМ

Сулейман ВЕЛИЕВ

плотным кольцом любопытствующих, и прорваться к нему было почти невозможно. Но вот он начал выбираться из «окружения».

— Товарищ красноармеец, а вы что здесь делаете? — вдруг обратился он ко мне.

— Пришел послушать вас.

— Откуда вы?

— Из Азербайджана.

— Очень приятно, очень приятно... Я знаком с творчеством Низами и Физули... Нам, русским, дорог и ваш Мирза Фатали Ахундов... — И, улыбувшись, добавил: — Он и наш...

Заметив, что Алексей Толстой собирается уходить, я огорчился. Так и не удалось мне с ним поближе познакомиться, поговорить. И так растерялся, что даже не знал, как обратиться к нему; то ли «товарищ Алексей Толстой», то ли просто «Алексей Николаевич»? Видимо, угадав мои тайные муки, он первый спросил:

— Можете, вас что-нибудь интересует?

— Да. Я бы хотел задать вам несколько вопросов... — смущенно сказал я.

— Ну что же, пойдете прогуляемся по городу, потолкуем.

В первом попавшемся кафе выпили по чашке кофе.

А потом долго шли по городу. Беседа завязывалась как-то исподволь. Признаться, поначалу я испытывал какую-то скованность, пожалуй, даже растерянность: кто я — и кто он?! Но стоило ему произнести несколько фраз, и эту неловкость как рукой сняло. Я уже вовсе не тяготился тем, что на мне гимнастерка с совершенно гладкими, даже без треугольников, петлицами и солдатские кирзовые сапоги. Больше того, чувствуя интерес знаменитого писателя к своей персоне — рядовому советскому солдату, в какой-то степени причастному к «литературному делу», — я уже смело обращался к нему по имени-отчеству, без стеснения задавал «встречные» вопросы.

Алексей Николаевич беседовал со мной, как со старым товарищем. В самом деле, он умел о чем-то спросить или ответить на вопрос с такой непринужденностью, в такой абсолютно до-

машней манере, что казалось — мы знакомы сто лет.

День выдался на редкость теплый, солнечный. Казалось, все население высыпало на улицы. Царило приподнятое, праздничное настроение.

Алексей Николаевич захотелось пить. Мы подошли к киоску с газированной водой. Он сказал:

— Дайте-ка нам два стаканчика. С сиропом — без? — обратился он ко мне.

Я сделал неопределенный жест: мол, «все равно».

— Гадно уж, с сиропом, — и протянул продавцу рубль.

Тот повертел в руках рублевку:

— Сдачи не будет.

Алексей Николаевич с нескрываемым беспокойством посмотрел на меня:

— А что нам делать?

— У меня есть мелочь, — сказал я.

И он, показавшись, обрадовался этому:

— Ну, вот и отлично!

Должен признаться, этот эпизод у киоска показался мне несколько странным... Но вот на встречу нам — калек без обеих рук. На груди картонка и на ней надпись по-польски — ясно какая, — на всех языках в таких случаях пишут одно и то же. Алексей Николаевич вытаскивает из кармана крупную купюру и опускает в сумку калеки. Тот, пораженный щедростью незнакомому ему человека, в котором, однако, сразу узнает русского, благодарно бормочет:

— Русски добри... русски добри...

Мы дошли до бульвара. Сели на скамейку.

— Итак, вы интересуетесь литературой? — спросил. — И сами пишете. А что вы написали?

Я протянул ему три книжки, которые до сих пор неловко держал под мышкой.

— Ого, у вас уже свои книги! Замечательно! Но я их не читал и, увы, ничего о них сказать не могу. Но посоветовать вам я все-таки кое-что попытаюсь. Собственно, то же самое, что я советую всем молодым: не спешить... поменьше писать... но писа-ать!.. Написать, вообще-то говоря, можно много. Но

К 100-летию со дня рождения А. Н. ТОЛСТОГО

счастлива тот, у кого есть хоть одно произведение, которое в силах принести автору заслуженную славу. (Он сделал ударение на слове «заслуженную».)

Тут он заговорил о Самеде Вургуне.

— С Самедом я знаком лично... Да-а... мы даже вместе с ним фотографировались... Мне нравятся его стихи! Он очень, очень эмоциональный и смелый поэт. Перевести «Евгения» — это что-нибудь да значит! А как звучит на азербайджанском языке «Евгений Онегин»? Насколько он точен? Дает ли верное представление о Пушкине?

Я сказал, что «Евгений Онегин» в переводе Самеда Вургунна пользуется у нас в Азербайджане огромной популярностью. Произведение великого русско-

— Да, тут, батенька, опять-таки — никаких общих правил, за исключением одного: в литературе надо быть честным — и перед нею, и перед самим собой. Написал что-то — посмотри, внимательно посмотри, сто раз посмотри и взвесь — что же ты написал, можно и нужно ли давать это в печать?.. Ваш покорный слуга, к примеру, в четырнадцать лет начал писать стихи, и вроде неплохие стихи, а сейчас никак не осмелюсь вытащить их на свет божий, так, наверное, и не решусь.

А бывает ведь так: глядишь, какой-нибудь уважаемый профессор, весьма авторитетный специалист в своей области, взял и тиснул в печать свои стихи. У него, видишь ли, появился аппетит на поэзию, ему мало быть ученым, захотелось еще и поэтом прослыть. Я испробовал свое перо, можно сказать, во всех литературных жанрах. А хорошо ли это, плохо ли, не знаю, не мне судить. Во всяком случае, не думаю, что это можно поставить мне в заслугу. Полагаю, прежде чем браться и за то, и за другое, неплохо окрепнуть в каком-либо жанре... А все это, в общем, клонится к одному: к чувству ответственности нашей перед народом, которому все мы служим.

Он помолчал.

— Когда у киномеханика что-то не ладится, ему кричат: «Сапожник!» А почему, собственно, сапожник? Сапожники делают свое дело, один — лучше, другой — хуже. Хороший сапожник приносит больше пользы, чем плохой писатель. Разве не так?

Он провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Не одобряю я, знаете ли, и такой практики, когда печатаются слабые произведения молодого писателя со скидкой, так сказать, на его профессиональный возраст. Такие «поощрения» не приносят пользы ни читателю, ни писателю.

— Алексей Николаевич, мне бы хотелось знать, как вы работаете? — спросил я. — Всегда ли вас, как говорят, посещает вдохновение, когда вы трудитесь за письменным столом?

— Как вам сказать? Каждую вещь надо писать с вдохновением. Это естественно. Однако это вовсе не значит, что можно позволять себе отлынивать от работы под тем предлогом, что тебя «не посетило» вдохновение. Я лично работаю ежедневно и не встаю из-за письменного стола, пока не выполню намеченную для самого себя «норму». А самым лучшим временем для работы считаю первую половину дня.

Набравшись смелости, я сказал:

— Разрешите прочесть вам несколько своих небольших рассказов?

— К сожалению, я не знаю вашего языка, — сказал он.

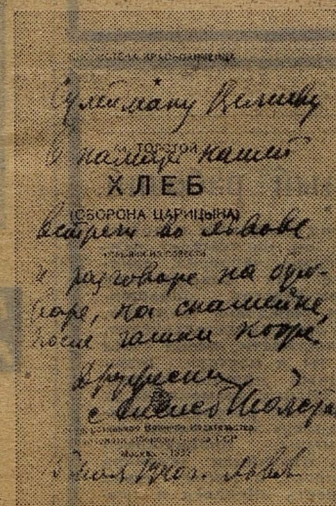
— Эти рассказы переведены на русский язык.

— В самом деле? Так почему же вы до сих пор молчали?

Я прочел ему три рассказа. Два из них он раскритиковал, а один похвалил.

— Ну что ж, брат, теперь по случаю нашего знакомства пообедаем вместе, а? — Алексей Николаевич решительно поднялся. — Пошли.

Мы посидели с ним в ресторане гостиницы «Виктория», где он снимал номер. А на прощание он подарил мне свою книгу «Хлеб», сделав на ней следующую надпись: «Сулейману Велиеву. В память нашей встречи во Львове и разговора на бульваре, на скамейке, после чашки кофе. Дружески, Алексей Толстой, 15 мая 1940 года, Львов».



го поэта отлично звучало на азербайджанском языке и читается с огромным интересом.

Я сказал Алексею Николаевичу, что, как он уже, наверное, знает, у нас переведен и его замечательный роман «Петр Первый» и что он сразу был раскуплен, а в библиотеках — нарасхват.

— Меня очень интересуют, как вы работали над этим произведением? — спросил я Алексея Николаевича. — По плану ли вы писали? Вообще, пользуетесь ли вы планами? Составляете ли их заранее?

— Да, я обычно пишу на основе плана. Но это вовсе не универсальный закон. Я знаю писателей, которые не признают никаких планов. Они утаивают, что план сочиняют, машет свободой письма. Кому что... Это, конечно, дело вкуса.

Мы заговорили о писателях, которые выступают сразу в различных жанрах, кто пишет и стихи, и прозу, и пьесы.

— Это довольно распространенное явление, — сказал Толстой. — Что ж, если писатель способен работать, и работать по-настоящему не в одном, а в нескольких видах и жанрах литературы, — это его сила и достоинство. Но, повторяю, только в том случае, если это делается без профанации, грубо и точно говоря, без халтуры.

И прибавил:

БАКУ